

DOI: 10.17976/jpps/2017.06.08

ЗАКОНЧИЛАСЬ ЛИ ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

Е.М. Кожокин

КОЖОКИН Евгений Михайлович, доктор исторических наук, профессор, проректор МГИМО МИД России по научной работе. Для связи с автором: kozhokin@yandex.ru

Кожокин Е.М. Закончилась ли Великая русская революция? – Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 109-124. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.08>

Статья поступила в редакцию: 30.08.2017. Принята к печати: 06.09.2017

Аннотация. Автор статьи рассматривает влияние Русской революции 1917 г. на всю последующую историю России и делает вывод, что 1917 год – совершенно особый период не только в истории России, но и во всемирной политической практике. В статье доказывается наличие в российской истории определенных кризисных циклов, раскручиванию которых дала импульс революция. Сейчас у России расширяются возможности выйти из замкнутого революционного круга кризисных циклов. Автор считает, что в России постепенно меняется политическая культура – и не только по форме, но и по глубинному содержанию. Тяжкое восхождение к правовому государству – одновременно и движение к республиканской политической культуре. Только для этого необходимо, чтобы уважение к республиканским ценностям вырабатывали у себя одновременно люди власти и люди оппозиции, преодолевая застарелую болезнь неуважения к собственному народу, которой страдают и откровенные сторонники авторитарных форм управления, и люди, считающие себя либералами. Россия постепенно сходит со старой русской дистанции движения от авторитарного покоя к смуте, бунту, революции и обратно к авторитарному порядку. Однако этот процесс трансформации политической культуры еще не завершен. Для этого еще потребуются значительные усилия.

Ключевые слова: Россия; Великая русская революция; революция; политическая культура.

В изучении революций всегда доминирует проблематика того, *что* революции изменили. Гораздо реже в фокусе исследовательских интересов оказываются вопросы о том, что революциям изменить не удалось, во всяком случае коренным образом. Это связано и с методологической сложностью познания феноменов, которые Фернан Бродель назвал явлениями большой длительности – *de longue durée* [Braudel 1958; 1949: XIII]. Именно к этой категории относятся трансформации и неизменности политической культуры.

Изучение российской политической культуры в ее исторической ретроспективе позволяет увидеть новые грани Русской революции 1917 г., продвинуться в столь необходимом экзистенциальном самопознании и не менее императивном прагматическом прогнозировании.

1970 год. Во всех школах Советского Союза пишут сочинение на тему “Есть у революции начало, нет у революции конца”. Лучшие сочинения направляются на районный, городской и далее всесоюзный конкурс. Учитель литературы Александр Владимирович Музылёв поставил мне за сочинение “пять” и при этом извинился: несмотря на пятерку, на конкурс он мою работу отправлять

не стал, так как я доказывал, что завершение революции есть и оно неизбежно. Теперь почти 50 лет спустя приходится возвращаться к старому, но, по сути, отнюдь не школьному вопросу. Завершилась ли революция у нас в стране?

Великая Русская революция 1917 г., как ее теперь стали официально называть, изменила в стране, казалось, все — государственное устройство, экономическую систему, идеологию, искусство. В 1991 г. вновь произошла полная смена исторических декораций. Мы расстались с государственной системой, стержнем, несущей конструкцией которой была коммунистическая партия, провели масштабную приватизацию, марксизм-ленинизм утерял *raison d'être*, социалистический реализм почил в бозе. Вопрос о революции закрыт!

И все же — почему открываешь “Вехи”, и приходит ощущение, что Бердяев, Кистяковский, Булгаков — наши современники. Почему так трагически современно звучат парадоксы философа Василия Розанова, умершего в 1919 г.? Мы запоздало совершили контрреволюцию и при этом вернулись в дооктябрьскую систему координат? Ничего не поняли в глубинных причинах “1917-го”?

Российский (тогда он назывался русским) дореволюционный миропорядок зиждился на тех основах, о которых заявил еще министр народного образования граф С.С. Уваров, — самодержавие, православие, народность. После революции 1905-1907 гг. уже было бы неправильным говорить, что самодержавие оставалось оплотом российской государственности. Во-первых, самодержавие не ушло, но стало институционально ущербным в результате революции, подписания императором Манифеста 17 октября, создания и функционирования Государственной Думы. Во-вторых, большое число россиян остались мировоззренчески искренними монархистами, но вряд ли все это множество можно было отнести к сторонникам самодержавия, хотя, несомненно, среди них — и убежденные приверженцы именно самодержавия. Но сколько их было, историческая наука даже приблизительно определить не может. Вследствие этих причин правильнее сказать, что одним из важнейших устоев России старого порядка являлся *монархизм*.

Античное наследие на Руси было чужим наследием, к тому же воспринятым опосредованно, сквозь причудливый византийский фильтр. Краеугольная идея понимания государства как “общего дела” (*res publica*) не была воспринята ни западниками, ни славянофилами, ни просвещенными бюрократами, ни жаждавшими радикальных перемен интеллигентами. Доминировало вотчинное понимание государственности, государство с точки зрения расхожих политических представлений было наследственной собственностью царя, причем превращение (начиная с Петра I) царя в императора по существу ничего не изменило.

Монархизм в России существовал как явление многогранное, глубоко укорененное и, если можно так выразиться, многослойное. Монархизм народный отличался от бюрократического или придворного. У каждого сословия, каждого класса была своя, особенная привязанность к императору и к монархии. Исключение составляла интеллигенция — не класс, не сословие, а особая социально-нравственная группа, сформировавшая особый тип мировоззрения, для которого характерны противоречившие друг другу, но неизменно уживавшиеся вместе — нигилизм, утопизм и народолюбие. При этом монархизм имплицитно присутствовал в сознании и подсознании интеллигенции в превращенной форме готовности подчиниться, подчас беспрекословно,

вождю как главному “нигилисту-утописту”. Но нас интересует прежде всего народный, крестьянский монархизм.

Фигура монарха выступала олицетворением государства в целом. Так, характерно, что в словаре В.И. Даля, впервые опубликованном в 1867 г. и затем на протяжении XIX и XX вв. неоднократно переиздававшимся, отдельно в словнике не выделяется слово “государство”. Значение этого слова дается в статье “государь”. Характерны пословицы и идиоматические выражения, которые в этой статье приводит Владимир Даль: “Никто, как Бог да государь. Один Бог, один государь. Одному Богу государь ответ держит. Ведает Бог да государь. Бог знает, да царь”, а само государство определяется как “...земля, страна под управлением государя” [Даль 1995: 387].

В народном сознании Бог и государь (царь, император) находились в глубокой связи. Само существование России, Руси было немислимо без Бога и без царя. Даже самые радикальные мыслители интуитивно как бы уходили от подробного рассмотрения, какого рода республикой могла бы стать Россия. Против царя боролись, а после Пестеля об организации формы республиканского устройства особо не задумывались, мечтали о более глубоких преобразованиях. Этим во многом объясним столь ранний – еще с петрашевцев – интерес к социализму.

В народе же отношение к монарху включало преданность, любовь, почтение, подчас жалость – ведь такую ношу несет, страдает за всю Россию. “Россия была темным мужицким царством, возглавленным царем. И это необъятное царство прикрывалось очень тонким культурным слоем. Огромное значение для душевной дисциплины русского народа имела идея царя. Царь был духовной скрепой русского народа, он органически вошел в религиозное воспитание народа. Без царя не мыслил народ никакого государства, никакого закона, никакого порядка, никакого подчинения общему и целому... – писал Николай Бердяев, – Царь предотвращал атомизацию России, он сдерживал анархию... Или царь, или полная анархия – между этими полюсами колеблется мысль народная... Когда была вынута идея царя из души народа, душа рассыпалась, исчезла всякая дисциплина, всякая скрепа, все показалось дозволенным” [Бердяев 1990: 272-273].

Среди крестьян, да и у значительной части рабочих людей вплоть до революции 1905 г. монархизм являлся не формой политических убеждений, а частью религиозного представления о мироустройстве.

Борясь за освобождение народа, революционеры в России чаще всего не обманывались по поводу отношения простых людей, и особенно крестьян, к монарху, потому и возникали дела подобные чигиринскому, когда в 1877 г. землевольцы во главе с Я.В. Стефановичем и Л.Г. Дейчем пытались поднять крестьянское восстание, используя подложный царский указ.

С фигурой царя, отчасти всей династии были связаны надежды на справедливость. Но к царю обращались в самых крайних случаях. Обращение к нему уже выступало в качестве события совершеннейшей чрезвычайности. Начальство на Руси не принято было беспокоить, а тем более начальство самой высшей категории. Ведь “одному Богу государь ответ держит”.

Безуспешная попытка обращения к высшим силам могла привести и к кардинальным мировоззренческим переоценкам. Это ярко демонстрирует петиция питерских рабочих Новой Бумагопрядильни в 1878 г. Во время стачки ра-

бочие подали прошение престолонаследнику, будущему царю Александру III, завершившееся словами: “Мы обращаемся к вам, как к отцу. Если не будут удовлетворены наши справедливые требования, то мы тогда будем знать, что нам не на кого надеяться, что никто не заступится за нас и что мы должны положить на себя и на свои руки” [цит. по: Николаенко 1926: 128].

Но и до января 1905 г. народный монархизм не был целостным и неизменным. К тому же работа народников, эсеров, социал-демократов — прежде всего в рабочей среде — постепенно давала свои плоды.

Ощущение тектонических сдвигов, происходивших в народном сознании приходило к людям даже очень далеким и от простонародной среды и тем более от подпольного революционного движения.

Уже в годы царствования Александра III обер-прокурор Святейшего Синода, лицо особо приближенное к государю, Победоносцев писал царю: “Тяжело было и есть, горько сказать, и еще будет. У меня тягота не спадает с души, потому что я вижу и чувствую ежечасно, каков дух времени и каковы люди стали. Сравнивая настоящее с давно прошедшим, чувствуем, что живем в каком-то ином мире, где все идет вспять к первобытному хаосу, — и мы, посреди всего этого брожения, чувствуем себя бессильными” [Победоносцев 1923: 651; см. также Троцкий 1991: 104].

Еще более поразительно стихотворение Александра Блока, написанное в марте 1903 г.:

— Все ли спокойно в народе?

— Нет. Император убит.

Кто-то о новой свободе

На площадях говорит.

— Кто ж он, народный смиритель?

— Темен, и зол, и свиреп:

Инок у входа в обитель

Видел его — и ослеп.

— Все ли готовы подняться?

Нет. Каменеют и ждут.

Кто-то велел дожидаться.

Бродят и песни поют.

Он к неизведанным безднам

Гонит людей, как стада...

Посохом гонит железным...

— Боже! Бежим от Суда!

— Кто же поставлен у власти?

— Власти не хочет народ.

Дремлют гражданские страсти —

Слышно, что кто-то идет.

[цит. по: Блок 1971: 189-190].

Гениальная интуиция великого поэта позволила ему заглянуть в пропасти народной души и тем самым — в будущее. В ситуации умерщвленной монархии (император убит) Александр Блок увидел, что народ не захочет никакой власти (русский народ или монархичен, или анархичен) и не сможет самоорганизоваться (дремлют гражданские страсти), а в итоге придет “народный смиритель” и погонит людей, как стада...

Русский монархизм, неизбежно прочно связанный с самодержавием, т.е. политическим беспорядком не только низших, но и высших слоев населения, подразумевал и особый тип общественного поведения. Героизм и сервильность в нем уживались самым что ни есть гармоничным образом. Героизм — при служении Родине на внешних рубежах, на поприще ратного дела или дипломатии. И сервильность, часто сопровождаемая безразличием к судьбам

простых смертных, униженных и оскорбленных — во внутренних делах, в бюрократической повседневности.

Интеллектуал, боевой офицер, морской министр в 1882-1888 гг. адмирал Иван Алексеевич Шестаков с горечью описывал эту особенность отечественного монархизма: “Наш строй развивает во всех слугах престола и России нерв угодливости. Даже организмы независимые или долженствующие быть такими, Орловы, Шуваловы, Горчаковы и пр., не могут устоять против общей русскому организму слабости. Какое-то нервное раздражение охватывает министров, послов, даже братьев царя, когда представляется случай выказать личную преданность. Торопятся, мало рассуждают, даже лгут, лишь бы заметили, что первым двигателем усердия — желание угодить повелителю” [Шестаков 2006: 702].

Николай Бердяев совершенно справедливо усматривал двуединство монархизма и православия, особенно глубоко укорененных в крестьянском сознании. Многие пословицы и иные идиоматические выражения, сохранившиеся и по сей день в русском языке, пришли из крестьянского речевого обихода и отражают крестьянские представления и верования. Хотя и говорилось: “Не поминай Бога всеу”, слово это очень часто звучало в устойчивых пословицах и фразеологизмах, которые воспроизводились миллионами людей на просторах Российской империи: “Как у Христа за пазухой”, “С богом!”, “Бог тебе судья”, “Ни богу свечка, ни черту кочерга”, “На бога надейся, а сам не плошай”. Бог жил в красном углу крестьянской души, но сам красный угол не занимал много места, обращение к нему всерьез чаще всего происходило вследствие бед справиться с которыми уже было не вмоготу, когда не хватало ни душевных, ни физических сил.

Православие в народных сказках постоянно предстает в двух ипостасях — в виде ернических антигероев, связанных с формальным отправлением культа, и в виде явно не артикулируемой, нутряной, тихой и бесспорной веры в Бога. Многолетний редактор самого популярного в России начала XX в. православного периодического издания “Троицкое слово” архиепископ Никон неоднократно сетовал в своих статьях на разрушение почтения к богослужителям и даже веры у русского простонародья: “Мы живем в тяжелое время. Со всех сторон мрак сгущается: всюду есть великая потребность возжигать свечи... чувствуешь, как все дальше и дальше мы уходим от источника света — от святого нашего православия”, — писал он в 1910 г. [Никон (Рождественский), архиепископ 1994: 6].

Но в правящих кругах России очень многие исходили из неизменности цельной природы русского народа — народа-страстотерпца, труженика, воина, хранителя устоев российской государственности — православия и самодержавия. Великие реформы Александра II не поставили перед простым народом, т.е. прежде всего крестьянством, новых целей, а новые горизонты проявились в виде перспектив разорения для большинства, безрадостного отходничества и каторжного фабрично-заводского исхода; те немногие, кому удавалось разбогатеть, не становились примером, а скорее, — предметом зависти.

Победоносные войны обычно служили укреплению монархических чувств в народе. Но русско-японская война обернулась полной катастрофой. Сам Николай II, продемонстрировав в ходе войны некомпетентность и бездумное упрямство, пал в глазах многих своих подданных не только из высших, но и из низших слоев. Идейная и политическая неподвижность царского режима пре-

вращалась все более в опасность для самого существования великой империи на фоне стремительного развития всех сфер отечественной жизни. В конце XIX – начале XX вв. шла быстрая трансформация экономики, технологий, социальных структур, науки. Опора лишь на неизменные традиции оказывалась вопиюще недостаточной. Страна развивалась, а государственная идеология застыла, разрыв между ее постулатами и воззрениями людей разных сословий становился все более разительным.

События 9 января 1905 г. нанесли невероятный удар по народному монархизму. Все наихудшие определения монархии Романовых, сформулированные революционерами, получили кровавое подтверждение. Но и после 9 января Николай II был абсолютно уверен в непоколебимой преданности ему народа. Вскоре нарастающий вал революции вынудил императора подписать либеральный по своей сути и по духу Манифест 17 октября 1905 г. Но его значения царь не понял, идеи не принял. В итоге государство уже не было самодержавным, а император продолжал считать себя самодержцем. В политике была отчасти воспроизведена ситуация, описанная Некрасовым в поэме “Кому на Руси жить хорошо”, когда дворяне и крестьяне разыгрывали перед старым бариним по просьбе его родных трагикомедию, будто крепостное право не отменено. Опасные иллюзии Николая II поддерживала императрица, сама искренне их разделявшая.

Искренний монархизм превращался в удел все более сокращавшегося меньшинства. Характеризующая его вера, согласованная с реалиями бытия, не трансформируясь в рациональное политическое убеждение (редкие исключения на этом фоне выглядели тем более трагично), превращалась в веру уже идеалистическую, веру вопреки всему, почти по Тертуллиану.

114

Перспективами для крестьянства всерьез озаботился Столыпин, стремясь к укреплению монархизма на новых основах, рациональных и экономических. Но начатое им было дозволено императором только после надлома традиционного крестьянского мировоззрения в ходе революции 1905–1907 гг. и прервано мировой войной. Сам Столыпин был убит отнюдь не революционерами. Незадолго до гибели он говорил сподвижникам: “Что такое авторитет Столыпина, в конце концов? Сегодня Столыпин правит, завтра его нет. Но Царь остается. После Бога Царь есть тот авторитет, которым держалась до сих пор Россия. Колебать доверие к Царю – это верный метод и путь, ведущий к разрушению наших устоев” [цит. по: Шульгин 2002: 176].

Трагизм российской ситуации заключался в том, что защитники целостности и нормального поступательного развития страны за редким исключением не понимали глубины опасностей, подстергавших империю. К тому же само быстрое развитие обуславливало появление все новых неожиданных вызовов. Реакции на них были либо традиционными и потому неадекватными, либо неуклюжими и плохо продуманными, либо запоздалыми.

К тому же отсутствие системного, институционального контроля над Министерством внутренних дел и его наиболее закрытой частью в лице охраны привело к внутреннему разложению многих высших чинов министерства. Лица ответственные за обеспечение государства и высших государственных чинов стали использовать свои безграничные возможности в личных карьерных и корыстных целях.

Разрушение, обрушение, надлом монархической идеи происходили в головах огромного множества россиян. Образ помазанника божьего исчезал,

а государственный порядок без царя простым людям не мыслился. Без царя в стране — воля, как без царя в голове — безумие, хаос и вседозволенность. “Дело в том, что как бы мы ни говорили, как бы мы ни расходились в самых разнообразных вещах, однако надо признать всем, что плохо с русским народом”, — с болью говорил Василий Шульгин, обращаясь к коллегам, депутатам Государственной Думы после убийства Столыпина [там же: 185].

И все же в августе 1914 г. на момент начала войны с Германией и Австро-Венгрией у значительного числа подданных Российской империи монархическая вера была еще жива, актуальна и вдохновительна. Безвестный солдат писал в 1914 г. с фронта домой в Самарскую губернию: “Моя жизнь обычна, как и каждого солдата, который предан своему милому и дороговому Отечеству и драгоценному нашему отцу всея Руси Николаю Александровичу... Вздумай, что может быть дороже всей жизни, как защищать свою дорогую родину и помочь нашим братьям, которые страдают под игом этого немецкого зверства? Молитесь Богу, чтобы он дал мне мужества твердо стоять против этих тиранов, которые стремятся нас поработить; нет этого, не было и не будет, как была наша родина свободна, так и будет...”¹. И этот солдат был не одинок в своих чувствах преданности императору. В начале войны порыв монархического патриотизма охватил огромные массы населения от самых верхов до низов. Опасность подталкивала к сплочению, а символом сплочения российской нации, русского и особенно русского народа мог быть в ту пору только император.

Но один из самых искренних монархистов того времени, депутат Государственной Думы Василий Шульгин чувствовал искусственность военно-патриотического порыва. Он вспоминал июльские дни 1914 г.: “Железные дороги были охвачены смерчем патриотизма, которого никак нельзя было ожидать. Патриотизмом была захвачена в то время вся Россия. Запасные являлись всюду, в полном порядке и даже не произвели бунта, когда продажа водки одним решительным ударом была прекращена во всей империи. Это было чудо. Неповторимое. Я наблюдал все это, но объяснить себе не мог. Я был холоден как лед, не веря своим глазам, и в глубине души чувствовал, что это воодушевление всех и вся — мираж” [там же: 237-238].

26 июля 1914 г. во время совместного заседания Государственной Думы и Государственного совета все собравшиеся столпились вокруг Николая II и кричали “Веди нас, Государь!”. Понимание непомерной тяжести предстоявшей войны было у немногих. Но некоторые вполне патриотично настроенные люди уже в 1914 г. высказывали опасения, что мужик в конце концов не стерпит тягот войны.

И действительно, война не имела глубокого идейного обоснования, ее цели народ не воспринял как свои, воинственный энтузиазм оказался поверхностным и недолгим. К тому же боевые действия разворачивались не на собственно русских территориях, и ощущение опасности для своего дома, для своей семьи у солдат по ходу войны не усиливалось, а рассеивалось. Позиционная, окопная война с периодическим человеческим общением с противником вообще порождала странную психологическую атмосферу. Тот же солдат из Самарской губернии, что отослал домой письмо, наполненное чувствами

¹ Локтева Н.А. О чем рассказывают письма с фронтов Первой мировой (по документам Госархива Самарской области). — *Гасырларавазы. Эхо веков*. Научно-документальный журнал. 2005. № 1. С. 101. Доступ: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2005_1/10/10_6/ (проверено 06.09.2017).

патриотического, монархического порыва, спустя некоторое время писал: “На первый день Св. Пасхи у нас было тихо, стрельбы никакой не было, ни наши не стреляли, ни германцы. Даже выходили вперед окопов, за заграждение и здоровались с немцами, даже христосовались, и немцы нас угощали водкой, сигарами и папиросами, а мы их белым хлебом да яйцами”². Удручали солдат и тыловые новости, которые они получали из дома, влияло на их настрой и хронически плохое снабжение армии. Антинемецкие настроения, способствовавшие в начале войны подъему патриотических чувств, к 1917 г. в народной среде в значительной степени спали. Братания на фронте делали войну все более странной, обыватель в тылу свои беды и невзгоды уже не списывал на немца или австрийца, а искал иных виновников.

Искры в виде антивоенной пропаганды большевиков попадали в армию и до февраля 1917 г., но настоящий пожар в виде быстрого ее разложения начался после краха монархии. Временное правительство отстаивало политику войны до победы, но не смогло не то что обеспечить государственный, правительственный контроль над армией, а наоборот, своими мерами еще более усугубляло ее прогрессировавший развал. Февраль принес свободу в русском ее понимании – анархию.

Главные редакторы газет руководствовались финансовыми соображениями и идейными ориентирами, которые неизбежно обретали все более хаотический характер. Одна из провинциальных газет осенью 1917 г. опубликовала письмо из занятой немцами Риги, казалось бы, немыслимое в условиях войны: “Немцы прекратили грабежи. На фабриках установлен 12-часовой рабочий день. Цена на хлеб понизилась с 25 до 15 копеек за фунт. Приехал Вильгельм и распорядился, чтобы в церквях было восстановлено поминовение бывшего царствовавшего дома; оркестры в садах и на бульварах играют ‘Боже, царя храни!’”³.

В 1917 г. в России было мыслимо все!

* * *

Что же предлагали те, кто в октябре 1917 г. обрел власть над Россией? Почему среди сонма оппозиционных царизму сил большевики оказались самыми сильными и самыми адекватными трагическому моменту разрушения всех прежних основ государственности?

Еще до революции 1905 г. большевистская партия выкристаллизовалась как партия по степени внутреннего самоконтроля превосходившая всех своих конкурентов и способная вести длительную борьбу против государства, умело сочетая нелегальные и легальные методы.

В свою очередь жесткая внутривластная дисциплина большевиков не могла осуществляться без личности, воплощавшей в себе высший и непрекращаемый авторитет.

Никогда никого не любивший, кроме самого себя, да и вряд ли кого-либо уважавший Л.Д. Троцкий писал тем не менее о В.И. Ленине периода II съезда РСДРП следующее: “Старики, и не одни только старики (имеются в виду Аксельрод и Засулич – Е.К.) ошиблись: это был уже не просто выдающийся работник, это был вождь, насквозь целеустремленный и, думается, окончательно почувствовавший себя вождем, когда он стал бок о бок со стариками, с учителя-

² Там же: 102.

³ *Голос*. 18.10.1917. Ярославль. Цит. по [Федюк 2015: 192].

ми, и убедился, что сильнее и нужнее их. В тех довольно еще смутных настроениях, которые группировались под знаменем 'Искры', Ленин один полностью и до конца представлял завтрашний день со всеми его суровыми задачами, жестокими столкновениями и неисчислимыми жертвами" [Троцкий 1991: 164-165].

Против самодержавного государства успешно могла бороться только вождистская партия. Именно в такую партию на раннем этапе своего развития превратилась партия большевиков. В использовании насилия партия, прежде всего в лице ее вождя, готова была идти гораздо дальше, чем все ее политические оппоненты. Допустимость массового насилия не вызывала сомнений у Ленина. В его глазах террор был законен как "одна из операций действующей армии, тесно связанная и сообразованная со всей системой борьбы", а не как "самостоятельное и независимое от всякой армии средство единичного нападения" [Ленин 1967: 7]. "Нисколько не отрицая в принципе насилия и террора, мы требовали работы над подготовкой таких форм насилия, которые рассчитывали на непосредственное участие массы и обеспечивали бы это участие" [там же 1967: 386].

Ленин отличался поразительной политической интуицией и безжалостностью топора в руках забойщика скота на бойне. В использовании террора как инструмента политической борьбы он собирался идти гораздо дальше и последовательней, чем народовольцы и эсеры. Он жил постоянно в состоянии напряженного, деятельного ожидания. Когда же, когда начнется? Когда усилия, страдания, жертвы приведут к взрыву? Когда грянет революция? Ленин верил в ее неизбежность, но революция все не приходила.

Начало Первой мировой войны застало Ленина в Австро-Венгрии в деревушке Поронин. Бдительная местная полиция задержала русского подданного, но благодаря поручительству австрийских социал-демократов, депутатов парламента Виктора Адлера и Германа Диаманда, он был вскоре освобожден и беспрепятственно выехал в нейтральную Швейцарию.

А 23 и 24 августа 1914 г. Владимир Ильич пишет тезисы о войне, в которых предельно четко формулирует позицию большевиков. Государство, именовавшееся Российской империей, должно быть разрушено и для этого, по его мнению, можно использовать любые, самые радикальные методы.

13 октября 1915 г. в органе РСДРП(б) газете "Социал-Демократ" от редакции были опубликованы "Несколько тезисов", в которых Ленин четко и откровенно сформулировал, что будут делать большевики в случае прихода к власти в России. Характерно, что уже в 1915 г. революция осознавалась им как приход к власти большевиков и, соответственно, самого Ленина. Он писал о программе своего правительства: "...мы предложили бы мир всем воюющим на условии освобождения колоний и всех зависимых, угнетенных и неполноправных народов. Ни Германия, ни Англия с Францией не приняли бы, при теперешних правительствах их, этого условия. Тогда мы должны были бы подготовить и повести революционную войну, т.е. не только полностью провели бы самыми решительными мерами всю нашу программу-минимум, но и систематически стали бы поднимать на восстание все ныне угнетенные великороссами народы, все колонии и зависимые страны Азии (Индию, Китай, Персию и пр.), а также – и в первую голову – поднимали бы на восстание социалистический пролетариат Европы против его правительств и вопреки его социал-шовинистам" [Ленин 1969а: 50-51].

Ленин готовил и теоретически обосновывал полное разрушение российской государственности, т.е. страны как таковой, мобилизовав в качестве своих союз-

ников антигосударственные силы на окраинах Российской империи. Так, он поддерживал отношения с А.Ф. Скоропись-Иолтуховским, бывшим членом РСДРП, одним из руководителей созданного в августе 1914 г. в Вене Союза освобождения Украины. Именно этот Союз печатал листовки для распространения в действующей армии, в которых солдат по сути призывали к предательству. В одной из этих листовок задавались риторические вопросы: “Неужели вам дорога эта, каторжная Россия? Или пускай лучше свободные народы — наши соседи, немцы, австрийцы и турки нанесут удар в самое сердце царизма, пускай лучше разобьют эту тюрьму и облегчат нам сладить с деспотами, как десять лет тому назад облегчили поход революционной бури японские войска?” [цит. по: Рудницкий 2015: 102].

В октябре 1915 г. на немецком языке (вероятно, работа предназначалась для какого-то немецкоязычного издания, но во время войны так и не была напечатана) Ленин пишет работу “Революционный пролетариат и право наций на самоопределение”, которой он планировал открыть еще один фронт борьбы против российского государства. Главная мысль в ней: “Пролетариат России не может ни идти во главе народа на победоносную демократическую революцию (это его ближайшая задача), ни бороться вместе со своими братьями-пролетариями Европы за социалистическую революцию, не требуя уже сейчас полностью и *ruckhaltlos* (безоговорочно) свободы отделения всех угнетенных царизмом наций от России” [Ленин 1969b: 67]. Ни в одной из своих работ Ленин не рассматривал, в чем конкретно заключалось угнетение царизмом наций, которым столь настойчиво он хотел даровать свободу.

В ленинском дискурсе императивы борьбы за власть доминировали над анализом текущей ситуации. Особенно, когда он писал или говорил о пролетариате. В 1915 г. в работе “Поражение России и революционный кризис” он постулировал: “Пролетариат выполнит свою задачу лишь тогда, если он сумеет идти к своей великой цели, не колеблясь, толкая вперед мелкую буржуазию, предоставляя ей учиться на своих ошибках, когда она качается вправо, утилизируя все ее силы для напора, когда жизнь заставляет ее идти влево” [Ленин 1969c: 28] Мировоззренческая палитра Ленина двухцветна, но этими двумя цветами он пользовался виртуозно.

В его работах тех лет пролетариат либо революционен, либо неправ. И неправоту Ленин нещадно клеймил, обладая исключительной способностью предлагать в качестве политической цели нечто абсолютно невозможное с точки зрения здравого смысла и добиваться реализации этой “невозможной” цели. Он понимал, какие гигантские изменения происходят с людьми в ходе социальных катаклизмов. Войны и революции — лучшие учителя пролетариата, был убежден Ленин. Человек невероятной интенсивности умственной деятельности, он в то же время не имел ни малейшей склонности к саморефлексии. Даже наиболее отвлеченные его теоретические размышления жестко ориентированы на политическую практику. Интернационалистский утопизм отнюдь не являлся преднамеренно демагогическим компонентом его текстов и речей. Но Ленин умел не додумывать те мысли, которые стали бы разрушать логику его неустанного порыва к власти. Насколько далеко Ленин готов был идти в плане разрушения территориальной целостности своей страны, дает представление его пояснение в предисловии к работе “Империализм, как высшая стадия капитализма”, написанное в апреле 1917 г. В качестве аннексированных Россией областей он называл Финляндию, Польшу, Курляндию, Украину, Хиву, Бухару,

Эстляндию. Но этим ленинский список не исчерпывался, он добавлял “и прочие не великороссами заселенные области” [Ленин 1969d: 302].

То, что самодержавие рухнуло и страна вступила в принципиально новую фазу своего развития, Ленина не только не смущало, он готов был добивать российское государство с удесятеренной силой и настойчивостью. Столь подробный список территорий, которым предлагалось отделиться от России, до апреля 1917 г. он никогда еще не выдвигал.

Вернувшись в Россию, Ленин решал три ключевых вопроса: о власти, о земле и о войне. Взаимосвязь этих вопросов он отлично понимал. Умелый тактик, в апреле 1917 г. уже будучи в Петрограде Ленин отказался от прежнего словесного выражения ключевой в борьбе за власть идеи превращения войны империалистической в войну гражданскую. Большевики могли захватить и удержать власть только в том случае, если созданная при старом режиме армия была бы разрушена. Методом ее разрушения выступало физическое уничтожение, дискредитация, шельмование офицеров и генералов, т.е. привнесение гражданской войны.

Легендарный генерал Алексей Алексеевич Брусилов, имевший безупречную репутацию, констатировал: “Как на Западном, так и на Северном фронтах я нашел войска безусловно небоеспособными. Они желали лишь одного — мира, чтобы отправиться домой, ограбить помещиков и жить свободно, не платя никаких налогов, ни податей, не признавая никакого начальства. Вся солдатская масса потому и ударилась в большевизм, что была убеждена, что только именно в этом состоит программа большевистской партии” [Брусилов 2003: 298-300].

Поразительно, насколько точно понимал происходившее в стране столько лет проведенный за границей Ленин. В работе “‘Добровольное соглашение’ между помещиками и крестьянами?”, написанной в апреле 1917 г. и посвященной попыткам Временного правительства хоть как-то стабилизировать поземельные отношения или, проще говоря, предотвратить повсеместный крестьянский бунт, Ленин умело этот самый бунт подстегивал: прожонглировав случайными цифрами о соотношении помещичьего и крестьянского землевладения, в конце он обратился не к крестьянам, а к солдатам [Ленин 1969e: 234] И действительно, дезертиры (т.е. вчерашние солдаты) сыграли исключительную роль в погроме помещичьих усадеб.

Во многих местах известиям о революции в феврале 1917 г. крестьяне первоначально не поверили. Лишь постепенно под влиянием новостей, приходивших из города, они смелели, начинали рубить принадлежавшие помещикам леса, выдвигать все более агрессивные требования. На уездные крестьянские съезды приезжали рабочие с фабрик и заводов и почти в открытую призывали грабить помещиков. Самыми смелыми из крестьян чаще всего оказывались вчерашние солдаты. Грабежи и погромы помещичьих усадеб прокатились по России в основном осенью 1917 г.

В воспоминаниях крестьянина из деревни Гаврилково Трубчевского района Брянской губернии говорится о тех же солдатах, о которых писал генерал Брусилов, только уже вернувшихся с фронта. Сохраняя стилистику и орфографию оригинала, воспроизведем слова неизвестного землепашца: “Возвращались в 17 году солдаты из царской бойне они выступали на сходах во что бы то ни стало разгромить помещиков они были жожаками в то время бедняцкого населения их выбирали в комитеты, которые все старались свергнуть помещиков с их имений и, разгромить имения... Возвратившие из царской бойне солдаты они

стали большевиками захватывали помещичью землю. Прежде всего узнали об Октябрьской революции большевики, а затем и крестьяне бедняки и середняки, о Ленине узнали большевики, которые стали рассказывать беднякам и середнякам. Но теперь в настоящее время все бедняки и середняки поняли, что Ленин вождем нам ево жалко хотя бы еще он побыл в нашей Советской России и еще бы лучше разрешил вопросы крестьянского хозяйства” [Россия 1917... 2016: 151-152].

1917 год — совершенно особый период не только в истории России, но и во всемирной политической практике. Стихийное движение миллионов и целенаправленная деятельность небольшой партии совпали по вектору. Партия в итоге получила власть, а миллионы, желавшие мира и земли, обрели гражданскую войну, нищету и страдания, еще большие, чем в царскую эпоху. Исчезновение признанной и институализированной власти привело к грабегам, но отнюдь не к выработке представлений о новых формах управления и самоуправления. На рубеже XVIII-XIX вв. французское крестьянство шло от монархизма через бонапартизм к республиканским убеждениям. В России XX в. простой народ, расставшись с царем, не обрел новых форм представлений о власти. Отчужденная, далекая и непонятная власть могла быть плохой или даже хорошей, но сопряжения личности и государства не происходило. В итоге Великая российская революция, казалось бы, изменившая все, не уничтожила монархизм как феномен политической, а точнее сказать, политико-религиозной культуры.

О монархизме как особой форме персонификации власти в одном лице и в советское время говорили россияне из числа как независимых по духу интеллектуалов, так и рядовых граждан.

Философ, логик, писатель Александр Александрович Зиновьев в автобиографической “Исповеди отщепенца” писал о родной ему Костромской земле, что известие об Октябрьской революции в их “медвежий угол” принесли солдаты-дезертиры. “...Произошла замена лиц у власти. Но власть, как таковая, осталась. Остались и расширились ее полномочия... Основная масса населения продолжала жить так, как будто ничего особенного не случилось. Ленина, а потом Сталина восприняли как нового царя.... Царь считался самым высшим начальником, а не главой помещиков и капиталистов” [Зиновьев 2008: 30]. Когда в СССР снимался в начале шестидесятых годов прошлого века фильм “Перед судом истории” и авторы фильма не знали, чем его закончить, обратились к Василию Витальевичу Шульгину. Глубокий старик не без сарказма предложил устроить ему встречу с бывшим вождем эмигрантского движения младороссов. Шульгин хотел ему сказать: “Казем-Бек! Вы же гениальный человек! Вы придумали когда-то лозунг ‘Царь и Советы’ — и Сталин тотчас осуществил этот лозунг” [Шульгин 2002: 12].

Ни в Конституции СССР, ни в Уставе КПСС никак не определялись пределы власти Генерального секретаря ЦК КПСС, до этого Первого секретаря ЦК КПСС. Разрушение образа вождя происходило при Брежнев, Черненко, затем, стремительно, при Горбачеве. Монархизм на этот раз деформировался не через трагедию, а через фарс, анекдот.

Социальные катаклизмы конца XX в. не имели столь острых проявлений, как в начале века. В СССР рабочие и колхозники были в значительной степени номинальными пользователями всенародной собственности, они с нею расстались в ходе приватизации без сопротивления. Лишь спустя некоторое время простые люди осознали, что все-таки у них был свой интерес в сохра-

нении государственной, т.е. общенародной собственности. Но осознание пришло слишком поздно. Это осознание эксплуатирует в своих электоральных интересах КПРФ. Тем дело и ограничивается.

Юридически Россия стала республикой 1 сентября 1917 г.⁴, но эта форма была юридической фикцией. Понимания того, что республика – это общее дело, *res publica* не было ни у правящего класса, ни у простых людей.

Впрочем, в советское время определенная дихотомия в сознании партийных работников и иных государственных служащих имелаась. Установка на услужение начальнику и долг служения народу подчас приходили в противоречие. Противоречие попытались быстро и однозначно снять в ходе драматических преобразований 1989-1993 гг. Внедрение республиканской политической культуры хотели осуществить революционным путем. Всенародное избрание президента РСФСР, выборы руководителей предприятий... Любопытная деталь: чья-то безвестная рука начертала весной 1991 г. на парапете Москвы-реки прямо напротив Белого дома огромными белыми буквами “Не бывать Бориске на царстве”. Автор граффити отождествил возникавший институт российского президентства с царизмом.

Своеобразный советский монархизм не мог быстро исчезнуть, но, вне всякого сомнения, гигантский шаг в своем политическом развитии страна сделала. Конфликт между президентом, его сторонниками и Верховным Советом Российской Федерации (и стоявшим за ним Съездом народных депутатов) был прежде всего проявлением борьбы за верховную власть. Победил президент. На референдуме была принята Конституция, даровавшая огромные полномочия главе государства. Но эти полномочия фактически первый раз в истории России были четко конституционно определены. Казалось бы, можно однозначно ответить на поставленный в начале статьи нешкольный вопрос. Революция во всех ее ипостасях в России завершена.

121

Справедливо. Но нельзя не признать, что некоторые атавизмы политической культуры прошлого нами не изжиты. И это касается не только продолжающихся и по сей день монархических политических практик. Но также и особенностей радикализма российских оппозиционных движений.

Наша монархическая политическая культура дает о себе знать даже в вопросах внешней политики. Мы невольно переносим на другие страны с сильной исполнительной властью в лице президента наш монархический подход. Так возникают иллюзии по поводу Трампа и изменения им антироссийского курса американской политики.

У нас расширяются возможности выйти из замкнутого революционного круга кризисных циклов; мы постепенно меняем свою политическую культуру не только по форме, но и по глубинному содержанию. Наше тяжкое восхождение к правовому государству – одновременно и движение к республиканской политической культуре. Только для этого необходимо, чтобы уважение к республиканским ценностям вырабатывали у себя одновременно люди власти и люди оппозиции, преодолевая застарелую болезнь неуважения к собственному народу, которой у нас страдают и откровенные сторонники авторитарных форм управления, и люди, считающие себя либералами.

Оппозиционеры, “верные ленинцы”, вновь предлагают расчленение страны, обещая усталому народу райские кущи, заплатит за которые надо будет

⁴ Российская республика – государство, существовавшее на территории России с 1 (14) сентября по 25 октября (7 ноября) 1917 г.

для начала Крымом, возвращенным Украине, где правящий класс настолько потерял ориентацию во времени и пространстве, что снес все памятники Ленину, отцу-основателю современной Украины.

Действительно мы постепенно сходим со старой русской дистанции движения от авторитарного покоя к смуте, бунту, революции и обратно к авторитарному порядку. Сходим, но нельзя сказать, что уже окончательно сошли. Для этого еще потребуются значительные усилия.

Возможно, введение шестилетнего срока президентства было неизбежностью в постреволюционный, если хотите, термидорианский период. Но далее, в период эволюционного развития, важно вернуться к четырем годам президентского срока, чтобы не возвратиться вновь на предреволюционный путь. И конечно, на уровне конституционного закона надо принять положение, что при любых обстоятельствах один человек может избираться на должность президента только два раза на протяжении своей жизни. И после 2018 г. страна вполне может получить оба эти установления.

Обретение нами республики, т.е. государства ответственных, солидарных, инициативных граждан, для нас императивно. А Великая русская революция встретила свой 100-летний юбилей и стала предметом оживленной дискуссии историков. И это — наше общее достижение.

Бердяев Н. 1990. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. — Бердяев Н. *Собрание сочинений*. Т. 4. Париж: YMCA-Press. С. 253-286.

Блок А. 1990. *Собрание сочинений в шести томах*. Т. 1. М.: Правда. 480 с.

Брусилов А.А. 2003. *Мои воспоминания*. Минск: Харвест. 432 с.

Даль В. 1995. *Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т.* Т. 1: А — З. М.: ТЕРРА. 800 с. Доступ: http://v-dal.ru/word_s-17943.html (проверено 14.09.2017).

Зиновьев А.А. 2008. *Исповедь отщепенца*. М.: Астрель. 605 с.

Ленин В.И. 1963. Революционный авантюризм. — *Полное собрание сочинений*. Изд. пятое. Т. 6. М.: Издательство политической литературы. С. 377-398.

Ленин В.И. 1967. С чего начать? — *Полное собрание сочинений*. Изд. пятое. Т. 5. М.: Издательство политической литературы. С. 3-13.

Ленин В.И. 1969а. Несколько тезисов. — *Полное собрание сочинений*. Изд. пятое. Т. 27. М.: Издательство политической литературы. С. 48-51.

Ленин В.И. 1969б. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение. — *Полное собрание сочинений*. Изд. пятое. Т. 27. М.: Издательство политической литературы. С. 61-68.

Ленин В.И. 1969с. Поражение России и революционный кризис. — *Полное собрание сочинений*. Изд. пятое. Т. 27. М.: Издательство политической литературы. С. 26-30.

Ленин В.И. 1969д. “Предисловие” к работе “Империализм, как высшая стадия капитализма”. — *Полное собрание сочинений*. Изд. пятое. Т. 27. М.: Издательство политической литературы. С. 301-302.

Ленин В.И. 1969е. “‘Добровольное соглашение’ между помещиками и крестьянами?”. — *Полное собрание сочинений*. Изд. пятое. Т. 31. М.: Издательство политической литературы. С. 234.

Николаенко А. 1926. *Краткая история рабочего класса в России*. М.—Л.: Гудок. 323 с.

Никон (Рождественский), архиепископ. 1994. *Православие и грядущие судьбы России*. М.: Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь; Новая книга. 494 с.

Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки с предисловием М.Н. Покровского. Т. 1 [и единственный], в 2-х полутомах. 1923. М. — Петроград: Государственное издательство. 1147 с.

Россия 1917 года в эго-документах. Воспоминания. 2016. М.: РОССПЭН. 510 с.
Рудницкий А.Ю. 2015. Об «украинском вопросе» в годы Первой мировой войны. — *Международная жизнь*. № 14. С. 97-131.

Троцкий Л. Д. 1991. *Моя жизнь. Опыт автобиографии*. М.: Панорама. 624 с.

Федюк В.П. 2015. Русская революция в контексте мировой войны. — *Франция и Россия, 1914-1918 гг. От альянса к сотрудничеству*. Под ред. А.В. Урядовой, З. Арриньона. М.: РОССПЭН. С. 189-202.

Шестаков И.А. 2006. *Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания (1838 – 1881 гг.)*. СПб: Судостроение. 784 с.

Шульгин В. 2002. *Последний очевидец. Мемуары. Очерки. Сны*. М.: ОЛМА-ПРЕСС. 588 с.

Braudel F. 1949. *La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe*. Paris: Armand Colin. 637 p.

Braudel F. 1958. Histoire et sciences sociales: La longue durée. — *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. Vol. 13. No. 4. P. 725-753. URL: http://www.persee.fr/doc/ahess_0395-2649_1958_num_13_4_2781 (accessed 14.09.2017).

DOI: [10.17976/jpps/2017.06.08](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.08)

THE END OF THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION?

Ye.M. Kozhokin¹

¹Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia. Moscow, Russia

KOZHOKIN Evgeny Mikhailovich, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Vice-rector, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia. Email: Veksina1@mail.ru

Kozhokin E.M. The End of the Great Russian Revolution? — Polis. Political Studies. 2017. No. 6. P. 109-124. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.08>

Received: 30.08.2017. Accepted: 06.09.2017

Abstract. The author considers the influence of the Russian Revolution of 1917 on the entire subsequent history of Russia and draws a conclusion that the year 1917 was a very special period not only in the history of Russia, but also in global political practice. The article proves the existence in the Russian history of certain crisis cycles, provoked by the revolution. Now Russia is facing broader opportunities to get out of the revolutionary crisis cycles. The author believes that in Russia the political culture is gradually changing — not only in form, but also in deeper content. A challenging ascent to the rule of law is a movement toward a republican political culture. However, it is necessary for the people of power and people of opposition to develop respect for the republican values, overcoming the chronic disease of disrespect for their own people, which is characteristic for frank supporters of authoritarian forms of government suffer, as well as for people who consider themselves liberals. Russia is gradually leaving the old Russian path of the movement from authoritarian calm to turmoil, rebellion, revolution and back to the authoritarian order. However, this process of transforming political culture has not yet been completed. This will require considerable efforts.

Keywords: Russia; The Great Russian Revolution; revolution; political culture.

References

Berdyayev N. *Filosofiya neravenstva. Pis'ma k nedrugam po sotsial'noy filosofii* [Philosophy of Inequality. Letters to Foes in Social Philosophy]. — Berdyayev N. *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Paris: YMCA-Press. 1990. P. 253-286. (In Russ.)

Block A. *Sobraniye sochineniy v shesti tomakh* [Collected Works in Six Volumes]. Vol. 1. Moscow: Pravda Publishers. 1990. 480 p. (In Russ.)

Braudel F. *La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe*. Paris: Armand Colin. 1949. 637 p.

Braudel F. Histoire et sciences sociales: La longue durée. — *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 1958. Vol. 13. No. 4. P. 725-753. URL: http://www.persee.fr/doc/ahess_0395-2649_1958_num_13_4_2781 (accessed 14.09.2017).

Brusilov A.A. *Moi vospominaniya* [My Memories]. Minsk: Harvest. 2003. 432 p. (In Russ.)

Dal' V. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. In 4 volumes. Vol. 1: A-Z. T. 1: A-Z. Moscow: TERRA. 1995. 800 p. (In Russ.) URL: http://v-dal.ru/word_s-17943.html (accessed 14.09.2017).

Fedyuk V.P. *Russkaya revolyutsiya v kontekste mirovoy voyny* [The Russian Revolution in the Context of WWII]. — *Frantsiya i Rossiya, 1914-1918 gg. Ot al'yansa k sotrudnichestvu* [France and Russia, 1914-1918. From the Alliance to Cooperation]. Ed. by A.V. Uryadova, Z. Arrignon]. Moscow: ROSSPEN. 2015. P. 189-202.

Lenin V.I. *Revolutsionnyy avantyurizm* [Revolutionary Adventurism]. — *Polnoye sobraniye sochineniy* [Full Collected Works]. Fifth ed. Vol. 6. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1963. P. 377-398. (In Russ.)

Lenin V.I. *S chego nachat'?* [Where to Start?] — *Polnoye sobraniye sochineniy* [Full Collected Works]. Fifth ed. Vol. 5. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1967. P. 3-13. (In Russ.)

Lenin V.I. *Neskol'ko tezisev* [Several Theses]. — *Polnoye sobraniye sochineniy* [Full Collected Works]. Fifth ed. Vol. 27. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1969. P. 48-51. (In Russ.)

Lenin V.I. *Revolutsionnyy proletariat i pravo natsiy na samoopredeleniye* [The Revolutionary Proletariat and the Right of Nations to Self-Determination]. — *Polnoye sobraniye sochineniy* [Full Collected Works]. Fifth ed. Vol. 27. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1969. P. 61-68. (In Russ.)

Lenin V.I. *Porazheniye Rossii i revolyutsionnyy krizis* [Defeat of Russia and the Revolutionary Crisis]. — *Polnoye sobraniye sochineniy* [Full Collected Works]. Fifth ed. Vol. 27. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1969. P. 26-30. (In Russ.)

Lenin V.I. *Predisloviye k rabote "Imperializm, kak vysshaya stadiya kapitalizma"* [Foreword to the Work "Imperialism, as the Highest Stage of Capitalism"]. — *Polnoye sobraniye sochineniy* [Full Collected Works]. Fifth ed. Vol. 27. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1969. P. 301-302. (In Russ.)

Lenin V.I. *"Dobrovol'noye soglashiye" mezhdru pomeshchikami i krest'yanami?* ["A Voluntary Agreement" between Landlords and Peasants?] — *Polnoye sobraniye sochineniy* [Full Collected Works]. Fifth ed. Vol. 31. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1969. P. 234.

Nikolayenko A. *Kratkaya istoriya rabochego klassa v Rossii* [A Brief History of the Working Class in Russia]. Moscow — Leningrad: Gudok. 1926. 323 p. (In Russ.)

Nikon (Rozhdestvenskiy), Archbishop. *Pravoslaviye i gryadushchiye sud'by Rossii* [Orthodoxy and the Fate of Russia]. Moscow: Svyato-Uspenskiy Pskovo-Pecherskiy monastyr'; Novaya kniga. 1994. 494 p. (In Russ.)

Pobedonostsev i yego korrespondenty. Pis'ma i zapiski s predisloviyem M.N. Pokrovskogo [Pobedonostsev and His Correspondents. Letters and Notes with a Foreword by M.N. Pokrovsky]. Vol. 1 [and the only], in two semivolumes. Moscow — Petrograd: Gosudarstvennoye izdatel'stvo. 1923. 1147 p. (In Russ.)

Rossiya 1917 goda v ego-dokumentakh. Vospominaniya [Russia in 1917 in Ego-Documents. Memories]. Moscow: ROSSPEN. 2016. 510 p. (In Russ.)

Rudnitsky A.Yu. On the "Ukrainian Issue" during the WWI. — *International Affairs*. 2015. № 14. P. 97-131. (In Russ.)

Shestakov I.A. *Polveka obyknovennoy zhizni. Vospominaniya (1838-1881 gg.)* [Half a Century of Ordinary Life. Memories (1838-1881)]. Saint Petersburg: Sudostroyeniye. 2006. 784 p. (In Russ.)

Shul'gin V. *Posledniy ochevidets. Memuary. Ocherki. Sny* [The Last Eyewitness. Memoirs. Essays. Dreams]. Moscow: OLMA-PRESS. 2002. 588 p. (In Russ.)

Trotsky L.D. *Moya zhizn'. Opyt avtobiografii* [My Life. Experience of Autobiography]. Moscow: Panorama. 1991. 624 p. (In Russ.)

Zinoviev A.A. *Ispoved' otshchepentsa* [Confession of a Renegade]. Moscow: Astrel'. 2008. 605 p. (In Russ.)